

Ушел от нас Евгений Долматовский, поэт, чье слово было на слуху у русских людей шестдесят лет.

Я познакомился с Долматовским в 1934 году, приехав на несколько дней в Москву со строительства города Хибингорска. Мы встретились дома у моего старого товарища Ярослава Смелякова. Передо мной сидел красивый улыбающийся юноша, влюбленно глядевший на Ярослава, но, казалось, с трудом удерживающий себя на своем стуле. Он был весь сгустком энергии, весь в порыве, готовый немедленно сорваться и куда-то бежать.

Он так всегда боялся опоздать
Туда, где непротоптанно и трудно.

Это было, пожалуй, основной чертой нашего поколения, особенно ярко проявившейся именно у Долматовского. Он спешил на строительство московского метрополитена и на Дальний Восток, всюду, где было опасно: на «линию Маннергейма», под Сталинград, во Вьетнам. В Отечественную войну он пережил все, что мог пережить солдат, — был контужен и ранен, попал в плен и бежал из плена.

Свой первый орден — «Знак Почета» — он получил в конце тридцатых годов, когда была впервые награждена группа писателей.

Помню встречу в гостинице «Москва» в конце 1942 года. Он показал на грудь, где рядом со «знаком Почета» сияли Красная Звезда и медаль «За боевые заслуги».

— Ну как? — счастливо улыбаясь, спросил он. В нем удивительно сочетались серьезность поэта и воина с детской непосредственностью.

— Может, хватит? — опять обратил он внимание на награды с мальчишеским желанием похвастаться. Он не знал тогда, что этот ряд завершит-ся двумя орденами Отечественной войны и орденом Ленина.

Евгений Долматовский вы-

пустил десятки книг стихов, поэм, прозы. Он написал роман в стихах «Добровольцы», посвященный друзьям его юности — метростроителям. Там есть строки, выражающие его отношение к времени и к друзьям:

Ходите не с краю,
а главной дорогой
И встретите всех,
кто вам близок и дорог.
Кроме стихов, откликающихся на все, что вокруг, у юноши Долматовского была

строки будут помниться и дальше, а те, кто начнет читать позже, найдут в его строках драгоценные приметы времени, по ним — эмоционально и фактически восстановить для себя нашу эпоху, большую часть завершающегося сейчас двадцатого века.

Кроме стихов, поэм и прозы, Долматовский с юности прикоснулся к песне и оказался ее избранником. Сейчас уже можно говорить о феномене русской советской песни,

Знакомый дом, зеленый сад
и нежный взгляд.

Кто не помнит кинофильм «Сердца четырех», который нет-нет да возвращается на телеэкраны. А песню знают и без фильма:

Все стало вокруг голубым и зеленым,
В ручьях забурило,
запела вода.
Вся жизнь потекла
по весенним законам —
Теперь от любви не уйти
никуда.

Ой, Днепр, Днепр,
ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли.

Я помню, с каким волнением, затаив дыхание, слушали люди эту песню, когда она впервые прозвучала по радио.

Потом было написано многое другое — и «Эх, как бы дожить бы», и «Попутная песня», и «Эскадрилья Нормандия—Неман», и боевые песни дивизий. Но больше, чем все написанное Долматовским на

Избранник песни

Памяти Евгения Долматовского

проникновенная лирика. До сих пор помню строки:

Почему испортилась погода?
Ты, наверно,
бровью повела.

Он был ироничен. Куда-то улетев, прислал телеграмму: «Лечу на принципиальной высоте».

Отдельно надо говорить о его книге прозы «Зеленая Брами», вышедшей несколькими изданиями и вызвавшей множество читательских откликов. В этой книге десятки судеб людей, в свое время как бы вынесенных за скобки жизни, а по существу полноправных участников Великой Победы над фашизмом. Долматовский вернул им имена и солдатскую славу.

Вызвала в свое время отклики и его трилогия «Одна судьба» — поэмы «Пропавший без вести», «Иду за тобой», «Счастливого пути».

Роман в стихах, поэмы, проза, сотни лирических стихотворений — как бы к ним ни относиться (можно их любить или не любить) — по ним очевидно, что поэт состоялся, что для современников его

о чуде, которое существовало семь десятилетий, и, как бы ни пытались его зачеркнуть, ему суждено снова и снова возвращаться к людям. К сожалению, сейчас радио и телевидение заполнены сочинениями, где музыка зачастую подменяется ритмом, а поэзия — невразумительными спекулятивными восклицаниями. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что сейчас происходит разрушение песни. Неужели это одна из задач демократии или так действуют законы свободного рынка? Но уже у слушателей проступает тоска по настоящей мелодии и поэтическому слову, которыми так была богата песенная палитра тридцатых — семидесятых годов. Одним из создателей этой песенной палитры был Евгений Долматовский.

Еще в 1939 году с Н. Богословским они подарили коротенькую песню:

В далекий край товарищ
улетает,
Родные ветры вслед за ним
летят.
Любимый город в синей
дымке тает:

До чего просто: «Все стало вокруг голубым и зеленым», но до чего точно и неповторимо.

Евгению Долматовскому был доверен дар прикосновения слова к музыке. И когда совпадала валентность поэта и композитора, высеклась искра. По песням Долматовского, еще больше чем по стихам, можно слышать время и ту глубинную человечность, которая всегда свойственна настоящему художнику.

Естественно, что много песен было рождено поэтом на войне. Вот одна из первых с музыкой М. Блантера:

В кармане маленьком моем
Есть карточка твоя,
Так, значит, мы всегда
вдвоем,

Моя любимая.
Событием для песенной судьбы Евгения Долматовского, и Марка Фрадкина, и для фронта Рокоссовского, а значит, и для всего народа явилась «Песня о Днепре», написанная в 1941 году.

У прибрежных лоз,
у высоких круч
И любили мы и росли.

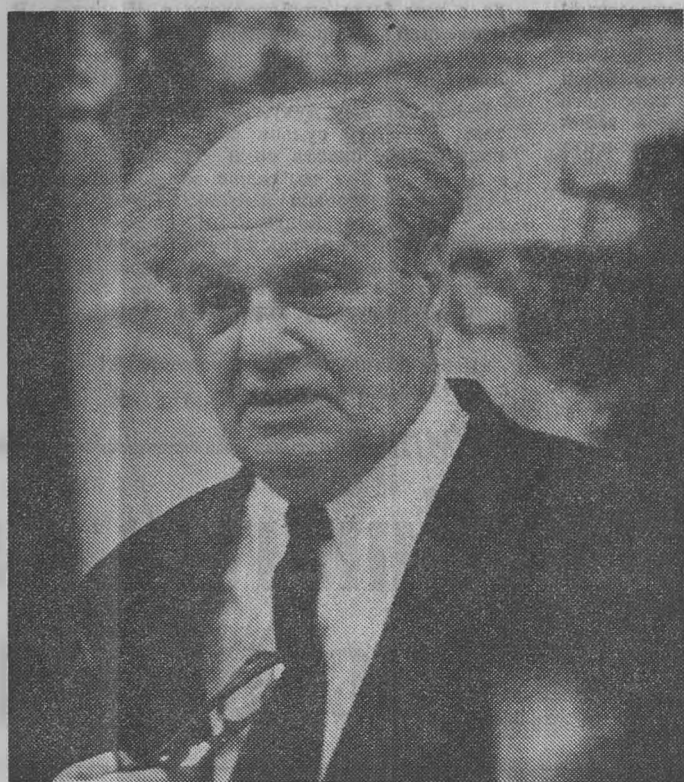
войне, осталась в сердцах и звучит вот уже несколько поколений удивительная по чистоте, печали и трепетности песня «Случайный вальс».

Ночь коротка,
Спят облака,
И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука.

Хоть я с вами совсем
незнаком
И далеко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова
Возле дома родного.
В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоем,
Так скажите мне слово,
Сам не знаю о чем.

Все здесь незатейливо и незамудрено, как во всякой настоящей песне, но подлинность чувства не оставляет слушателя равнодушным.

Эта подлинность чувства всегда живет в лучшем, созданном Долматовским. Вот строки из песни, написанной с А. Экимяном в 1971 году, когда, наматываясь и намаываясь, поэт отыскал наконец человека, понимающего его душу, человека, с которым он

прожил последние двадцать четыре года.

Представить страшно
мне теперь,
Что я не ту открыл бы дверь,
Не той бы улией прошел,
Тебя не встретил, не нашел.

Живут ли песни Евгения Долматовского сегодня? Я уже говорил, что по радио и телевидению большей частью передаются даже не песни, а «композиции», исполняющиеся десятками разных, далеко не всегда талантливых групп, когда вовсе не называются имена авторов. Я знаю, как тяжело переживал Долматовский то, что происходит сейчас в песне. Мы мучительно искали слова, чтобы песня была непохожей на другие, необходимой людям, чтобы жила долгой жизнью. А теперь десятками выплескиваются однопесенки, которые невозмож-

но запомнить. Часто их сопровождает немислимое количество децибелл.

— Зачем же, — горько говорил Долматовский, — вот так, асфальтовым катком по голове.

Думаю, что это временно. Мы обязаны вернуть песне мелодию и поэзию.

Долматовский был сыном своего времени, но он исповедовал не мелкие прихоти временщиков, а высокие идеалы человеческой свободы.

Хочу закончить эти заметки такими четырьмя строчками:

Прощай, мой спутник
юношеских лет,
Уставший от страданья
и томленья.
Я верю — толпам новых
поколений
Не зачеркнуть, не затоптать
твой след.

Лев ОПАНИН.